
Лингвистика

УДК 81:39

ББК 81.001.2

А 95

Ахиджакова М.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Межкультурные основы в текстовом аспекте современной лингвистики (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается уникальная структура культуры народа или этнической группы, которая содержит общечеловеческие свойства и качества той или иной этнокультурной общности. Показано, что язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные. Отмечается, что язык вбирает в себя всевозможные комбинации результатов жизнедеятельности человека, его мысли, сам дух. Установлено, что информация, заложенная в текст автором, организует в сознании читателя отображение действительности.

Ключевые слова:

Этнокультурная общность, субстанция, ментальное сознание, система ценностей, семиотические (знаковые) системы, текстовые структуры, коннотация, денотация.

Akhidzhakova M.P.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Intercultural bases in text aspect of modern linguistics

Abstract:

The paper discusses the unique structure of culture of the people or ethnic group which contains universal properties and qualities of this or that ethnocultural community. It is shown that language and culture can be compared as independent semiotic systems, in many respects structurally isomorphic and mutually displayed. The language incorporates every possible combination of results of activity of the person, his thoughts and spirit itself. The information, put in the text by the author, organizes reality display in consciousness of the reader.

Keywords:

Ethnocultural community, substance, mental consciousness, system of values, semiotic (sign) systems, text structures, connotation, denotation.

Культура каждого народа или этнической группы обладает уникальной структурой: она содержит и общечеловеческие свойства, и качества, формирующие специфический «профиль» той или иной этнокультурной общности. «Оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в её собственном решении проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их не бывает одинаковой в разных культурах...» [1: 19]. Культурные предметы, открывающиеся субъектам в познавательных процессах, помимо природных и функциональных качеств, которые материально воплощены в их субстанции и форме, обладают системными качествами. Системные (знаковые) качества культурных предметов конкретного ментального сознания и культуры не имеют материального воплощения и открыты только носителю этой культуры, обладающему знанием культурных и социальных систем, в рамках которых они функционируют и интерпретируются [2: 33-34]. Так, например, русские представляют себе деятельность общения в виде продолжительных монологов, поэтому адыгский стиль коротких ответов и остроумных (с точки зрения адыгов) реплик, представляется им поверхностным и бесцеремонным.

Для русских начинать разговор с просьбы или ответить на телефонный звонок фразой типа «Чем могу быть вам полезен?» считается неприличным, в то время как американцы привыкли именно к такому, «деловому», в их представлении, общению [3: 23 - 26]. Иными словами, как русские, так и адыги в ходе общения обмениваются речевой информацией, но сверхчувственные качества (знаковость), например, коротких реплик или длинных монологов интерпретируются носителями той и другой культуры в той степени, в которой эти формы речевого общения приняты в системе каждой из них. Справедливо отмечается, что наибольшие трудности в

общении представителей разных культур возникают: 1) вследствие различия содержания образов языкового сознания, 2) по причине различной системности содержания этих образов языкового сознания, 3) вследствие различия системности этнических ментальных сознаний в целом [4: 135].

Человечество XX века в своем самопознании пришло к пониманию того, что культура – это деятельность, соответствующая своей идее. Культура неотделима от других форм человеческой деятельности (познания, нравственности, художественного творчества и др.), и язык в этом контексте выступает как форма, важнейший элемент национальной культуры народа.

С начала XX века в культуре стали видеть специфическую систему ценностей и идей. Культура в таком понимании – это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, то есть система ценностей – это одна из важнейших сторон культуры. Ценности, нормы, образцы, идеалы – важнейшие компоненты аксиологии, учения о ценностях. Система ценностей считается стержнем духовной культуры, доказательством тому являются следующие наиболее ценностно-окрашенные концепты культуры: вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т.п. Однако ценностно-окрашенным может стать любой фрагмент мира, например пустыня, горы – в христианской картине мира [5: 23].

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах и архетипах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать. Но в процессе познания мира создаются и новые понятия, фиксирующиеся в языке, который есть культур-

ное достояние: язык есть «средство открытия до сих пор еще не познанного» [6].

Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре.

В ряде научных исследований высказывается предположение о том, что неповторимый индивидуальный облик каждой культуры есть результат особой, свойственной лишь данной культуре, системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. По мнению Н.А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. Философ считает, что каждый отдельный человек со своей национальной индивидуальностью входит в человечество именно как национальный человек. «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [7: 96]. Для адекватного представления своей личности говорящему (пишущему) необходимо отобрать из лексической системы языка те средства, которые максимально точно отражают его внутреннее видение предмета, соотносятся со сформированными им понятиями [8: 91]. В силу этого и культура не может быть, по Н.А. Бердяеву, отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная.

Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [9: 335].

Как отмечают исследователи, коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться в качестве орудия культуры, даже одной из ее ипостасей (в особенности литературный, сакральный язык или язык фольклора) и может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры. При этом обращается внимание на то, что язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные. Общность применяемых к языку и культуре понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (знаковые) системы, описываемые с помощью одного и того же логического аппарата. К таковым относятся, по мнению Н.И. Толстого, понятия системы и текста (парадигматики и синтагматики) в языке и культуре, формы и содержания (означающего и означаемого), системной функции, давления системы, открытости системы и ее уровней и т.п. [10: 312].

Как полагает Е.В. Розен, язык является «важной частью духовного багажа нации и помогает охарактеризовать определенную эпоху, определенные общества» [11: 180]. Присоединяясь к приведенному выше утверждению исследователя, отметим, что язык составляет культурное наследие той или иной нации, народности наряду с нравами и обычаями. Язык вбирает в себя всевозможные комбинации результатов жизнедеятельности человека, его мысли, сам дух. Он отмечает практически все фрагменты человеческого бытия и описывает их многочисленными способами и средствами.

Мы согласны с мнением Е.С. Бунеевой о том, что один из путей изучения языка как явления культуры состоит в «определении культурно-значимых содержательных признаков, которые находят свое отражение в различных проявлениях культуры народа и прежде всего – в языке» [12: 34].

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Совокупность значений языка составляет единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [13: 39].

Художественное произведение представляет собой точку пересечения разнообразных оппозиций (философских, социокультурных, психологических, семантических и т.д.) различного происхождения, так как действительность, отображаемую в текстовых структурах, можно моделировать в разнообразных аспектах. Писатель стремится овладеть образной структурой ментального сознания, с тем чтобы функционально (на семиотическом, а не на предметном уровне текста) можно было решать проблему различий времени и места в ментальном пространстве, отвечая интересам коммуникативного процесса.

Таким образом, эквивалентность исследуемых текстовых структур может существовать лишь на уровне семиотических отношений или оппозиций, которые можно подвергнуть лингвокультурному преобразованию. Взаимоотношения двух и более культур в художественных текстах выражаются и определяются на уровне коннотации, а не денотации.

Следовательно, лингвистический анализ текстов должен быть связан с представлениями о том, что художественный текст воспроизводит особым образом некоторый фрагмент действительности, фиксируя специфические особенности вербального и невербального поведения ментального сознания данного этноса и особенности «стандартов» порождения/восприятия речевых произведений, при-

нятых в той или иной культуре.

Следует отметить и лингвистическую значимость взаимосвязи между понятиями культуры и свободы. Как известно, анализ основных этапов развития лингвистической мысли свидетельствует о том, что главные акценты и методы исследования науки о языке во многом определяются эволюцией философских представлений о природе языковой материи, закономерностях ее исторических изменений. Философия как наука о социуме и человеке в свое время породила лингвистику, снабдив ее общими концептуальными и методологическими принципами подхода к языку как феномену социальной реальности. Со временем философское понятие «социум» модифицировалось в языковедческой науке в понятие «экстралингвистических факторов, определяющих процесс межличностного общения», а сам человек в аспекте своей речевой способности и компетентности стал главным объектом исследования лингвистики.

Можно, следовательно, предположить, что языкознание является своего рода производной основой предшествующего развития философии, в процессе своего развития отражает логику философского мышления. В системе металингвистической картины мира, в центре которой находится языковая личность, отражающая менталитет конкретного этносоциума, превалируют философские концепты. В результате метаязыковая картина мира становится многоплановой и многомерной.

Еще большую склонность к рецепции философской проблематики проявляют лингвисты в настоящее время, предполагая, что подобным образом они совершенствуют методы анализа языкового материала. В диахроническом плане, являясь производной от воззрений философов, лингвистика, возможно, не вынесла идейного одиночества, с начала 50-х годов прошлого столетия вступает в тесное

взаимодействие с философией, создавая концептуальный базис самостоятельного научного направления, философии языка, тем самым укрепляет свою связь с социальной реальностью и практической деятельностью говорящего человека.

Теоретическое усложнение данного направления, наметившееся еще в 80-е годы XX века, способствовало значительному обновлению традиционной тематики, более тесной интеграции философии, психологии, логики и теории языка. Внедрение в лингвистику общефилософских концептов, на наш взгляд, способствует выяснению всей сложности взаимоотношений типа «говорящий – язык – слушающий», т.е. между исходящими от говорящей личности импульсами речевого воздействия (антропоцентризм) и направленностью данных импульсов на слушающего (лингвоцентризм). Постановка подобной проблемы выдвигает на повестку дня текущих лингвистических исследований необходимость анализа концептуального пространства метаязыка лингвистики. Бесконечное разнообразие авторских языковых средств (в том числе, разноуровневых) в репрезентации одного и того же концепта у разных мастеров художественного слова многолико, что, в свою очередь, формирует нежесткую,

динамичную, потенциальную структуру концепта на уровне культуры отдельного этноса. И в этом, как представляется, нет какого-либо противоречия: именно индивидуальность получает в художественной литературе наибольшую ценность, именно уникальная вербальная проекция ментальной реальности индивида становится основой художественного творчества.

Следовательно, восприятие текстов как последовательность знаков позволяет пользоваться принятыми в лингвокультурной общности «стандартами» (эталопами) перехода от языковых выражений к обозначаемым ими денотатам, с последующим формированием предикативной структуры воспринятого сообщения и смыслоформулированием. Смысл текстовой информации определяется не столько композиционно-логическими закономерностями языкового содержания текста, сколько характером отраженных в индивидуальном сознании отношений между названными предметами реального мира. Поэтому восприятие смысловой структуры художественных текстов формируется с опорой на образ мира, существующий в сознании как отображение индивидуально-специфического и межнационального мировидения.

Примечания:

1. Леви Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
2. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1998. С. 30-34.
3. Стернин И.А. О некоторых особенностях русского общения // Болгарская русистика. 1992 (а), № 2. С. 23-27.
4. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1998. С. 135-170.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 254 с.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: пер. с нем. / сост., общ. ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 450 с.

-
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990. 125 с.
 8. Хачмафова З.Р. Лексико-тематическая группа «чувство» в лексиконе современной женской прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 10. С. 91.
 9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.
 10. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 306-315.
 11. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 94 с.
 12. Бунеева Е.С. Концептологическая модель признака старшинства: Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996. – С. 33-41.
 13. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

References:

1. Levi Strauss K. Structural anthropology. M.: EKSMO-Press Publishing house, 2001. 512 pp.
2. Tarasov E.F. On the construction of the intercultural communication theory // Linguistic consciousness: formation and functioning / ed. by N.V. Ufimtsev. M.: IYA of the RAS, 1998. P. 30-34.
3. Sternin I.A. On some features of the Russian communication // The Bulgarian Russian philology. 1992 (a), No. 2. P. 23-27.
4. Ufimtseva N.V. The ethnic character, self-image and linguistic consciousness of the Russians // Linguistic consciousness: formation and functioning / ed. by N.V. Ufimtsev. M.: IYA of the RAS, 1998. P. 135-170.
5. Maslova V.A. Cognitive linguistics: a manual. Minsk: TetraSystems, 2005. 254 pp.
6. Humboldt W. fon. Language and Philosophy of Culture: transl. from German / comp. and ed. by A.V. Gulyga, G.V. Ramishvili. M.: Progress, 1985. 450 pp.
7. Berdyaev N.A. The fate of Russia. M.: Mysl, 1990. 125 pp.
8. Khachmafova Z.R. Lexical and thematic group of «feeling» in the vocabulary of modern female prose // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2008. Issue 10. P. 91.
9. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Iskusstvo, 1979. 421 pp.
10. Tolstoy N.I. Ethnolinguistics in the circle of the Humanities // Russkaya slovesnost. From philology to text structure. Anthology. M.: Academia, 1997. P. 306-315.
11. Rosen E.V. German vocabulary: history and the present: a manual. M.: Vyssh. shk., 1991. 94 pp.
12. Buneeva E.S. The conceptological model of the seniority signs: Linguistic personality: cultural concepts. Volgograd, 1996. P. 33-41.
13. Apresyan Yu.D. Selected works. V. 2. Integral description of the language and system lexicography. M.: Languages of Russian culture, 1995. 767 pp.